

«Уходи, я не хочу тебя видеть сейчас», — Чжоу Цзинхуа махнул рукой, давая понять, что сын должен уйти.

Чжоу Синь не двигался, желая что-то добавить, но отец повторил: «Я сказал — не хочу тебя видеть». Он приказал резко: «Вон».

Сын всё ещё не шевелился. Чжоу Цзинхуа уже готов был рассердиться, как вдруг Чжоу Синь, собравшись с духом, снова взмолился: «Как бы то ни было, пожалуйста, позаботьтесь о своём здоровье...»

Чем больше Чжоу Синь проявлял заботу, тем сильнее Чжоу Цзинхуа страдал. Его сын, такой почтительный, явный лидер и успешный человек высшего общества — почему же он оказался должен жизнью? Охваченный горем, Чжоу Цзинхуа лишь разгорался сильнее: «Ты что, хочешь меня до смерти довести?!»

Чжоу Синь обдало холодным потом. Он не посмел настаивать дальше и почтительно вышел из комнаты.

— «Лучше бы ты сдох!»

Дневные слова снова отозвались в памяти. Каждое слово, каждая фраза будто разрывали его сердце в клочья.

В тот миг, когда дверь закрылась, казалось, всё хорошее, всё тёплое осталось в этой комнате.

Его родной отец, тот, кого он больше всего ценил, уважал и боготворил, — не прощал его, не хотел видеть, даже желал ему смерти.

Чжоу Синь засмеялся — смех был безнадежным, невыразимо тоскливым. Сон как рукой сняло. Спать он не хотел и не мог. И он снова в одиночестве отправился к фонтану в заднем саду.

Фонтан всегда был запретным местом в доме семьи Чжоу. Ежедневно его убирали, и у входа дежурили, не пуская никого без личного разрешения Чжоу Синь.

С восходом солнца Тан Имэй, соскучившаяся по Чжоу Синь, рано встала и отправилась с ним поздороваться. Обнаружив, что его нет, и вспомнив, что вчера он был с Ван Яньшуан, она разгневалась. От служанки Ажань она узнала про фонтан и поспешила туда, чтобы учинить разбор.

Так и получилась сцена, которую увидел Хэ Е.

Чжао Ши давно служил Чжоу Синь и был крайне предан. С Ван Яньшуан он тоже ладил. Услышав, как Тан Имэй отзывается о них, он, несмотря на некоторые опасения, не удержался: «Прошу вас, уважайте господина и доктора Ван. Доктора Ван здесь нет, господин один».

«Если её нет, почему ты меня не пускаешь?» — не унималась Тан Имэй, доводя Чжао Ши до головной боли.

Хэ Е наблюдал издали, размышляя об отношениях Тан Имэй и Чжоу Синь, когда кто-то окликнул его сзади. Он обернулся и увидел Ван Яньшуан.

«Доброе утро, господин Хэ. Что вы здесь делаете?» — с улыбкой спросила она. «К господину?»

Хэ Е вежливо кивнул.

Ван Яньшуан тоже шла к Чжоу Синьи. Узнав от Чжао Ши, что тот снова здесь, а Тан Имэй устроила сцену, она, обеспокоенная, поспешила к саду.

Раз уж путь один, Ван Яньшуан пригласила Хэ Е пройти вместе. Не успели они подойти ко входу, как Тан Имэй, увидев её, вспыхнула ещё сильнее, подбежала и замахнулась, чтобы дать пощёчину.

Хэ Е был удивлён, но, пообщавшись с Ван Яньшуан несколько раз, он составил о ней хорошее впечатление. Да и врождённая галантность подтолкнула его попытаться перехватить руку Тан Имэй. Но он опоздал.

Ван Яньшуан сама схватила её за запястье. Она знала: Чжао Ши без колебаний встал бы на её сторону, да и Хэ Е вряд ли остался бы в стороне. Но она не любила полагаться на чужую защиту — свои проблемы лучше решать самой.

Спокойно и с достоинством она спросила: «Давайте говорить спокойно. Что это значит, госпожа Тан?»

Тан Имэй дёрнулась, но не смогла вырваться из захвата Ван Яньшуан. Хотя обе были женщинами, Ван Яньшуан, в отличие от изнеженной барышни Тан Имэй, оказалась сильнее.

Униженная и злая, Тан Имэй замахнулась второй рукой, но Ван Яньшуан оказалась проворнее: она отпустила запястье и резко оттолкнула её.

Благодаря Ажань, подхватившей её, Тан Имэй не упала. Увидев бесстрастное лицо Ван Яньшуан, она от злости расплакалась.

«С вами всё в порядке, госпожа Тан?» — с заботой спросила Ажань, бросая Ван Яньшуан извиняющийся взгляд.

Ажань хорошо относилась к Ван Яньшуан, которая всегда была скромной и доброй. Поэтому, хоть она и пришла с Тан Имэй, не удержалась: «Вы же видите, доктор Ван здесь, значит, она ночью не была с господином. Вы...» Не решившись сказать «беспочвенно скандалите», Ажань подобрала другие слова: «Вы просто ошибаетесь».

Тан Имэй не ожидала, что даже Ажань будет заступаться за Ван Яньшуан. Взглянув на Чжао Ши, она поняла, что поддержки не найдёт, и, чувствуя себя загнанной в угол, заявила: «Хорошо! Тогда я пойду к его отцу и всё выясню!»

Чжао Ши тут же встревожился, собираясь отговорить её, но Ван Яньшуан неспешно сказала: «Пусть идёт. Пусть господин Чжоу узнает о сегодняшнем происшествии — ничего страшного».

Услышав это, Тан Имэй заколебалась. Она знала, что сегодня не права, и если Чжоу Цзинхуа узнает, то сочтёт её невоспитанной, что плохо скажется на её отношениях с Чжоу Синьи. Подумав мгновение, она решила не идти, но, не желая терять лицо, заявила: «Тогда я буду ждать Синьи здесь!»

Ван Яньшуан едва заметно тронула уголок губ. Реакция Тан Имэй не стала для неё неожиданностью. Она обратилась к Чжао Ши: «Господин Хэ пришёл к господину по важному делу. Пусть войдёт».

Ван Яньшуан волновалась за Чжоу Синьи и хотела сама проведать его, но теперь, когда пришёл Хэ Е, она подумала, что, возможно, его визит даст лучший результат.

Чжао Ши кивнул и жестом пригласил Хэ Е войти. Тот поблагодарил Ван Яньшуан и направился внутрь.

Переступив порог, Хэ Е внезапно почувствовал, как его охватило странное, гнетущее чувство скорби...

Он шёл медленно. Каждый шаг словно затрагивал больной нерв внутри. Он не понимал, почему это место, куда он впервые пришёл, вызывает у него такое тяжёлое ощущение.

Именно здесь началась вся трагедия. Здесь Лян Мэньюй свела счёты с жизнью, переломив судьбы троих. И здесь же Чжоу Синьи принял решение, которого не ожидал весь мир...

Сидя на каменной скамье у фонтана, Чжоу Синьи уставился в пустоту, взгляд его был отсутствующим.

— «Верни мне жизнь дочери!»

Перед ним возникло искажённое гневом лицо отца Лян.

— «Ты знаешь, сколько ночей провели без сна её родные?»

Он видел бессонного Чжоу Цзинхуа.

— «Ты так её любил? Твоя любовь ужасна».

— «Ты твердил, что любишь её, но каждым поступком причинял ей боль. Ты гнал её к смерти под именем любви — и это твоя так называемая любовь?»

Хэ Е допрашивал его, истерзанный болью.

Лица каждого были предельно ясны, словно они сейчас стояли вокруг Чжоу Синьи, сокрушённые, в слезах, обвиняя его в преступлении.

— «Если её родители потребуют твоей жизни — сдохни!»

Всё застыло на этой фразе. Чжоу Синьи почувствовал, как голова раскалывается от боли. Он отчаянно потряхнул головой, пытаясь выбросить тот момент из памяти. Но сколько ни старался — всё было тщетно.

Вдруг он горько, смирившись, усмехнулся, и на лице его появилось странное спокойствие. «Папа, — прошептал он, — ты правда так хочешь моей смерти?»

— «Прости... Синьи... прости...»

Вспомнив полные боли извинения Лян Мэньюй, вспомнив отцовскую брань, Чжоу Синьи замер. Он достал из кармана телефон, посмотрел на экран, где они были так близки, и тихо проговорил сам с собой: «Зачем ты извиняешься? Я всего лишь скотина... даже отец мой так говорит...»

Разгневанное лицо Чжоу Цзинхуа снова замелькало перед глазами. Чжоу Синьи снова потряхнул головой, долго смотрел на фото и наконец, словно в бреду, спросил: «Ты хочешь... чтобы я

составил тебе компанию?»»

Не в силах сдержаться, он убрал телефон. Снова вынув руку из кармана, он разжал ладонь — в ней лежал складной нож. Тот самый, которым Лян Мэньюй перерезала себе вены.

Медленно он поднёс лезвие к запястью другой руки...

Лезвие вошло неглубоко, но, поскольку разрез был длинным, кровь всё равно хлынула обильно.

<http://bllate.org/book/15947/1425686>